

Шэнь Си был далек от придворных и чиновничьих интриг, не понимая их тонкостей и не желая вникать. Он обернулся к Цзинь-вану и спросил:

— Если ехать из Ичжоу в Жунин, разве путь не пролегает через твои земли в Цзиньюане?

— Если не случится непредвиденного, то, скорее всего, через округ Пиндин, — Цзинь-ван сразу понял, к чему клонит Шэнь Си, и обратился к Гу Чжоцзы: — Тебе известно, когда генерал Шэнь выступил в поход?

Гу Чжоцзы с явным затруднением ответил:

— До меня дошли слухи, что императорский указ прибыл в Ифувэй несколько дней назад. Военачальник, который должен сменить генерала Шэня, тоже прибыл вовремя. Боюсь, армия уже в пути.

Шэнь Си погружился в раздумья. Если мчаться во весь опор, отсюда до округа Пиндин можно добраться за полдня. Если Армия семьи Шэнь как раз проходит мимо, возможно, удастся повидаться с отцом и братом. Иначе путь до Жунина долг и труден, и неизвестно, когда еще доведется встретиться.

Заметив, что Шэнь Си уже собрался уходить, Цзинь-ван поспешно его остановил:

— Няньцин, погоди. Я пришлю отряд охраны, чтобы сопровождали тебя.

Шэнь Си махнул рукой:

— Не нужно. Мой конь слишком быстр, обычные люди лишь станут обузой.

Сказав это, он поспешно вышел. Поскакав в конюшню, он оседлал своего Чжаньфэна и, вылетев из поместья, помчался в сторону Пиндина. Казалось, конь почувствовал тревогу хозяина: он летел вперед, словно молния, не зная усталости. К вечеру Шэнь Си достиг границы округа Пиндин. Расспросив местных, он узнал, что армия действительно проходила здесь сегодня утром. Он проскакал еще тридцать ли на юг, пока путь ему не преградили высокие горы. Шэнь Си с трудом взобрался на вершину и вгляделся вдаль, но следов войска не было. Небо уже темнело, и человек, и конь выбились из сил. Понимая, что догнать их уже невозможно, он спешился, опустился на колени и трижды поклонился в сторону юга, после чего с тяжелым сердцем вернулся в уезд Пиндин.

Неизвестно, когда пошел снег. Хлопья становились все крупнее, пока не превратились в густую пелену, укрывшую всё вокруг. Шэнь Си, измученный голодом и холодом, ведь он целый день не ел и не пил, пробирался сквозь снежную бурю. Мысли о судьбе отца и брата, отправившихся в неизвестность, и о Вэй Юе, от которого давно не было вестей в Столице, рождали в душе невыразимую тоску. Он вынул из-за пазухи красный камешек, согретый теплом его тела, долго вглядывался в него, а затем со вздохом аккуратно убрал обратно.

Еще издалека он заметил мерцающие огни. Подъехав ближе, он увидел отряд людей с факелами, во главе которого стоял один из личных телохранителей Цзинь-вана. Увидев Шэнь Си, охранник тут же направил коня к нему:

— Молодой господин Шэнь, мы здесь по приказу вана, чтобы встретить вас. Пожалуйста, следуйте за нами к вану.

Шэнь Си был ошеломлен:

— Разве ван тоже приехал в Пиндин?

Телохранитель кивнул:

— Вскоре после вашего отъезда ван приказал нам отправиться в путь. Мы спешили, не делая остановок. Узнав, что Армия семьи Шэнь уже прошла, ван предположил, что вы не отступите и отправитесь в погоню, поэтому велел нам ждать здесь.

Шэнь Си не ожидал, что Цзинь-ван, не жалея сил, последует за ним, и тем более не думал, что каждое его действие было предсказано. У стен города Пиндин ворота, которые должны были быть закрыты, оказались распахнуты. У подножия стены горели огни, светлые, как днем. Карета Цзинь-вана стояла наготове, а сам он мерил шагами землю, и на его плечах уже лежал тонкий слой снега.

Эта картина вызвала в душе Шэнь Си целую бурю чувств. Он спрыгнул с коня и бросился к Цзинь-вану. Тысячи слов застряли у него в горле, но в итоге он лишь выдохнул:

— Шоучжи!

Увидев Шэнь Си, Цзинь-ван облегченно улыбнулся. Он накинул на плечи Шэнь Си плащ, который держал в руках, и, обняв его за плечи, помог подняться в карету:

— Проголодался? Я велел приготовить для тебя рисовую кашу с закусками, она греется на углях. Выпей немного, чтобы согреться.

Взглянув на лицо Шэнь Си, он сразу понял, что погоня не увенчалась успехом, поэтому не проронил ни слова ни о Шэнь Вэе, ни об Армии семьи Шэнь.

Попав из ледяной стужи в теплую карету, Шэнь Си вскоре покраснелся. В кашу добавили согревающий имбирь, и после нескольких ложек тепло разлилось по всему телу. Когда Шэнь Си доел, Цзинь-ван сам поправил подушку у него за спиной:

— Отдохни немного, а потом отправимся домой, хорошо?

Шэнь Си замер, а затем радостно рассмеялся:

— Хорошо, немного отдохнем и поедем домой!

Пролетел год, и наступил канун Нового года. Поскольку в поместье все были заняты подготовкой к войне, праздновали скромно: никаких банкетов для чиновников или представлений танцовщиц, только семейный ужин.

Стол накрыли в теплом павильоне у сада. После того как все полюбовались фейерверками у озера и цветущей красной сливой, начался ужин. В центре за длинным столом из красного дерева восседал Цзинь-ван, по бокам от него — княгиня и княжна Фэйхун. Свои приемные сыновья, кроме Цзян Юньшэна, сидели ниже. Перед каждым стоял отдельный столик с вином и закусками, а служанки и маленькие мальчики с полотенцами и чайниками суеились вокруг.

В такой день все старались выглядеть как можно лучше. Не только господа облачились в красные шелка с золотыми поясами, но даже служанки и слуги были в новых нарядах. Повсюду царил веселье.

Шэнь Си весь день провел в военном лагере и вернулся только к вечеру, поэтому не успел

переодеться и пришел на ужин вместе с Цзинь Хулу. Никто не ожидал, что, едва он появится в дверях, княгиня, которая до этого сидела, опустив глаза, радостно поднимется ему навстречу. Она взяла его за руку и усадила рядом с собой:

— Няньцин, садись скорее. Я специально велела приготовить для тебя суп из оленьего хвоста, он очень полезен для поясницы.

Шэнь Си, польщенный таким вниманием, в замешательстве вскочил и поклонился — он не умел красиво говорить и лишь выдавил:

— Благодарю вас, госпожа.

Княгиня не обиделась и лишь прикрыла рот рукой, тихонько улыбаясь, когда увидела, как он смущенно покраснел.

Сидевшие рядом наблюдали за этим с завистью, презрением или насмешкой. Но Шэнь Си был человеком широкой души и не обращал на это внимания, продолжая есть и пить с прежней легкостью, что раздражало окружающих еще больше.

Цзинь Хулу, как слуга, не мог сидеть за общим столом, поэтому он стоял за спиной Шэнь Си, подливая вино, а Шэнь Си время от времени угощал его лучшими кусками. Парень, выросший в деревне, впервые видел такую роскошь, и его глаза разбегались. Глядя на красавиц-служанок с замысловатыми прическами, он прошептал:

— Генерал Шэнь, посмотрите, их головы похожи на цветочные корзины, правда? Разве у них не болят шеи от такой тяжести?

Шэнь Си усмехнулся:

— Наверное, в голове у них пусто, вот и приходится добавлять тяжести, чтобы ветром не сдуло.

Княжна Фэйхун, стоявшая рядом с матерью, услышала это и надула губы. Она гневно сверкнула глазами, а затем украдкой сняла со своих волос две золотые заколки, а потом еще и изумрудную брошь, чтобы не выглядеть хуже этого «деревенщины».

Когда пришло время поздравлять вана, Го Сяобай предложил каждому прочитать стихотворение. Когда очередь дошла до Шэнь Си, все приготовились смеяться — они знали, что он человек военный и в поэзии не силен. Шэнь Си, не смущаясь, громко произнес:

— Весенний сон, не зная, что рассвет уж наступил, повсюду слышу птичий крик. Но ночью шум дождя и ветра был, опавших лепестков число велико ль?

После его слов в зале повисла тишина, а затем раздался оглушительный хохот. Даже Цзинь-ван и княгиня не смогли сдержать улыбок. Когда смех утих, Цзинь-ван сказал:

— Это стихотворение Весеннее утро на первый взгляд простое, но в нем глубокий смысл. Мне оно очень нравится. Няньцин понимает меня.

Он с нежностью посмотрел на Шэнь Си и добавил:

— Только тот, у кого сердце чисто, может спать, не замечая рассвета. Только тот, кто далек от суеты, может слышать птиц повсюду и не спрашивать о шуме дождя, доверяя свое сердце весеннему свету. Такая безмятежность — то, к чему я стремлюсь...

Услышав это, остальные лишь презрительно фыркнули.

Цзинь-ван, обычно шумный и веселый, сегодня был необычно задумчив и рано распустил гостей. Уходя, княгиня с дочерью прошептала Шэнь Си:

— Сегодня канун Нового года, прошу, Няньцин, побудь с ваном.

Когда Цзинь-ван медленно побрел к выходу, Шэнь Си молча последовал за ним. Цзинь-ван, словно зная, что он идет следом, тихо произнес:

— Няньцин, я помню, как несколько лет назад мы с императором ездили на гору Ланьюэ. Тот тихий птичий щебет, журчание ручья, горы, уходящие в облака... Как там пел тот пастушок на быке?

Шэнь Си прочистил горло и тихо пропел:

— Гора Ланьюэ, река Юйпай, пятьсот сажений до небес. На вершине Хунъя живут бессмертные, улетают с ветром в облака...

— Как хорошо... как хорошо, — Цзинь-ван кивал, погружившись в воспоминания. Пройдя еще немного, он сказал: — Няньцин, пойдем со мной.

Они оказались в том самом маленьком дворике, куда Шэнь Си однажды забрел случайно. Отпустив стражу, Цзинь-ван повел его в святилище. Там горели благовония, в углу стояла новая табличка с именем.

Цзинь-ван долго смотрел на нее и тяжело вздохнул:

— Цзян Юньшэн ушел сегодня утром. Из-за праздника похороны решили отложить. Он так долго держался, но не пережил этот год...

Шэнь Си вспомнил, как слышал печальные звуки цинь накануне, и осознал, что это была лебединая песня.

Цзинь-ван взглянул на другую табличку с именем Хун Цин и спросил:

— Няньцин, ты, наверное, уже знаешь, что я с рождения предпочитаю мужчин. Это не вызывает у тебя презрения?

Вопрос был неожиданным. Шэнь Си помолчал и ответил:

— Какая разница, кто тебе нравится — мужчины или женщины? Разве ты не останешься Вэй Шоучжи?

Цзинь-ван улыбнулся и начал рассказ:

— Когда мне было шестнадцать-семнадцать, я учился военному делу у старого генерала Цзи и познакомился с Хун Цин-гэ. Он был первым, кто тронул мое сердце. Но тогда он уже был помолвлен с дочерью генерала Цзи, и я похоронил свои чувства. Во время битвы при Шочжоу мы попали в окружение. Я был тяжело ранен, мой конь пал. Цин-гэ, не раздумывая, посадил меня на своего коня и ударил его, чтобы тот бежал. А сам остался, чтобы сдержать врагов, и погиб...

Шэнь Си похлопал его по плечу.

Цзинь-ван продолжил, голос его дрожал:

— После смерти Цин-гэ дочь генерала Цзи узнала, что беременна. Ее родные погибли в бою, и я, получив разрешение императора, взял ее в жены.

— Так княгиня — это дочь генерала Цзи? — Шэнь Си наконец понял всё.

— Мы не были супругами в полном смысле этого слова, — сказал Цзинь-ван. — Остальные господа в поместье тоже здесь не просто так. Чжан Цзиньюй — племянник Чжан Шицзе, он здесь, чтобы скрепить союз. Гэ Сяобай остался у меня после того, как его брат погиб, защищая меня. А Цзян Юньшэн... — в глазах Цзинь-вана отражалось пламя свечей. — Я встретил его в Цзяннани на лодке. Мы играли музыку, я думал, что встретил родственную душу. Но потом оказалось, что он был подослан шпионить за мной...

Шэнь Си молча слушал. Цзинь-ван посмотрел на него:

— К счастью, небо не забыло меня, и я наконец нашел того, кто мне действительно дорог...

В этот момент за дверью послышались торопливые шаги:

— Доклад! Сообщение с фронта! Второй принц татар Халиба ведет конницу на Цзиньюань, они уже перешли перевал Минцзиншань!

В тихом святилище в углу поместья, в эту неспражничную новогоднюю ночь, Цзинь-ван наконец открыл душу перед Шэнь Си. Он рассказал о своих отношениях с княгиней, о горькой судьбе и о том, что наконец обрел счастье. Но имя Шэнь Няньцина так и не успело сорваться с его губ — известие с фронта прервало его на полуслове.

Цзинь-ван разочарованно покачал головой. Видимо, время еще не пришло.

В отличие от него, Шэнь Си, услышав о нападении Халибы, тут же воспрял духом. В его глазах зажегся боевой азарт.

Цзинь-ван понял его без слов. Он вышел во двор и приказал офицеру:

— Передай всем военачальникам: завтра в час кролика сбор в лагере у западных ворот!

Когда офицер умчался, Цзинь-ван вздохнул:

— Халиба выбрал время, когда мы празднуем, чтобы застать нас врасплох.

Шэнь Си усмехнулся:

— Не волнуйся, он скоро поймет, что просчитался.

Цзинь-ван взял его за руку:

— Няньцин, жизни всех жителей Цзиньяна и всей моей семьи теперь в твоих руках.

Шэнь Си крепко сжал его ладонь:

— Просто помни свое обещание!

На следующий день, в предрассветный час, небо было еще темным. В лагере на западе царил оживление: горели костры, войска строились, кони били копытами.

В главном шатре, освещенном, как днем, собрались военачальники. Шэнь Си, облаченный в серебряные доспехи и алый плащ, восседал за столом, источая властность. Цзинь-ван, хотя и был правителем этих земель, занял место ниже, так как в армии главнокомандующим был Шэнь Си.

Внезапно полог шатра поднялся, и вошла княжна Фэйхун с двумя женщинами-воинами в красном. Увидев Цзинь-вана, она подбежала к нему.

Цзинь-ван нахмурился:

— Это лагерь, что ты здесь делаешь?

Княжна надула губы:

— Не вини меня, отец! Это тот самый «черный»... это Шэнь Няньцин просил меня прийти!

Цзинь-ван удивленно посмотрел на Шэнь Си, но тот лишь едва заметно кивнул, и ван замолчал.

Раздался сигнал к началу. Шэнь Си развернул список. Когда дело дошло до Тань Тяньляна, ответом была тишина.

Тань Тяньлян был зол на Шэнь Си с тех пор, как тот выбил ему зубы, а когда ван назначил его генералом — и вовсе возненавидел. Прошлой ночью он напился, узнав об атаке татар, и проспал утро. Его брат Тань Тяньмин вынужден был уйти в лагерь один, велев жене привести брата, как только тот протрезвеет.

<http://bllate.org/book/21936/2279027>